
Александр ГОРОДНИЦКИЙ

СТУПЕНИ ЭРМИТАЖА

Я пою, хоть нет на то талантов,
Белой ночью, что светлее дня,
Стоя у подножия атлантов,
И атланты смотрят на меня.
А вокруг, пока хватает глаза,
Верящий надежде наперед,
Улицу наполнив до отказа,
Подпевает песенку народ.
Быть счастливым никогда не поздно.
Под негромкий наговор струны
Я переживаю час мой звездный,
Там, где звезды в мае не видны.
Облаков серебряная вата
Уплывает медленно в залив.
Каменные слушают ребята,
Головы курчавые склонив.
И трепещет в сердце каждый атом,
И надежда теплится опять,
Что и я, стоящий с ними рядом,
Помогу им небо подержать.

ИМПРЕССИОНИСТЫ

Алене Петровской

Когда осенний дождь неистов
И день безрадостен в окне.
Припомню импрессионистов:
Дега, Сислея, и Моне.
Когда густеет сумрак плотно
И не дает спокойно спать,
Взгляну на яркие полотна,
И жить захочется опять.
От буден серого кошмара
Сбежав на несколько минут,
Смотрю на женщин Ренуара,
Которые меня не ждут.

Александр Моисеевич Городницкий родился в 1933 году в Ленинграде. Советский и российский ученый-геофизик, доктор геолого-минералогических наук, профессор, член Российской академии естественных наук. Широко известен как поэт, бард, считается одним из основоположников авторской песни. Лауреат Государственной литературной премии имени Булата Окуджавы. Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН.

А если жизнь меня обманет
И утро посулит беду,
Взгляну на Тауэр в тумане
Или на лилии в пруду.
Творцы невероятной краски.
Бесцветной жизни вопреки,
Цветные создавали сказки
Их негасимые мазки.
Была им, вероятно, лестна
Им предоставленная честь:
Изобразить наш мир окрестный
Прекрасней, нежели он есть.

ПОЭТЫ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ

Люблю стихи, поскольку это
Бальзам для ноющей души.
В России нет плохих поэтов, —
Все на поверку хороши.
Не зря известен повсеместно,
В забвенье кануть не спеша,
Рылеев, что придумал песню
«На диком берегу Иртыша».
Языкова припомним вскоре:
Ему поведать суждено,
Что нелюдимо наше море,
Что день и ночь шумит оно.
И Баратынский — в ритме терций
Его заслуга велика.
И Батюшков, что память сердца
Для нас придумал на века.
Поэты пушкинского века,
С ним распивавшие вино,
Они Медина нам и Мекка,
Нам их забыть не суждено.
Они — как звездочки в колодце
Российской тягостной ночи,
Где заменить не может Солнце
Огня мерцающей свечи.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Черные с оранжевым полоски,
Ленточки георгиевской шелк.
По весенним улицам московским
Медленно идет Бессмертный полк.
Отдыхать нельзя ему на марше,
Бесконечен путь его и крут.
Смахивают слезы, кто постарше,
Молодые песен не поют.

Солнечным дыханием согреты,
Над колонной, плавно, как в кино,
Проплывают юные портреты
Тех, кому вернуться не дано.
Полк идет, согнув устало плечи,
Превращаясь в армию теперь.
Бесконечен он, как бесконечен
Список вспоминаемых потерь,
Каждого припомнив, кто не дожил,
Этот день в грядущие года
В календарь попасть навеки должен,
Чтобы впредь нигде и никогда.
А за ним, в отлаженном порядке,
По приказу на подъем легки,
Мимо мавзолея по брусчатке
Маршируют смертные полки.
Не страшат их прошлые утраты,
Им в строю шагается легко.
Поднят автомат молодежато,
Задран подбородок высоко.
В громе многократного салюта
Марширует доблестная рать.
Снова угрожаем мы кому-то
И хотим кого-то испугать.
Каждому желаю от души я
В мирной жизни доброго пути,
Чтобы те ребята не спешили
В этот полк Бессмертный перейти.

ОСОАВИАХИМ

Тот знак Осоавиахима
В передвоенные года,
Его я вспоминаю зримо
И не забуду никогда.
Во временах тех отдаленных,
Давая пищу для умов,
Взамен распятий отмененных
Он был защитой для домов.
В пору военной подготовки
Я вспоминал потом не раз
Скрещенье сабли и винтовки,
Пропеллер и противогаз.
Его на самом видном месте
Вывешивали на домах.
С их обитателями вместе
Он после превратился в прах.
В года столетия иного,
Когда отбой трубит рожок,
Припоминается мне снова
Суровый гипсовый божок.

Как будто хочет прежний кто-то,
Что быть бы должен вне игры,
Вернуть обратно этот тотем
Полуязыческой поры.
Среди домашней обстановки
Мне снятся в полуночный час
Скрещенье сабли и винтовки,
Пропеллер и противогаз.

ОДА ЛАХТИНСКОЙ БАШНЕ

Крепчай и славься, Лахтинская башня!
О Питере утраченном скорбя,
Не выиграв недавней рукопашной,
В сегодняшнем приветствуем тебя.
Здесь возводить тебя мы не просили.
Ты отняла у горожан покой.
И Медный всадник, вздыбивший Россию,
Показывает на тебя рукой.
Не понапрасну гневен он и мрачен, —
Пути обратно, вероятно, нет.
Дворцов и шпилей навсегда утрачен
Над городом небесный силуэт.
Забудем же про Питер наш вчерашний, —
Он устремлен в грядущие года.
Он, как Париж без Эйфелевой башни,
Существовать не сможет никогда.
И не подвластна ни ветрам, ни пургам,
От света белой ночи горяча,
Поставлена над старым Петербургом
Большая поминальная свеча.

* * *

Холокоста кровавой вехою
Жизнь отмечена и моя.
В этом зале судили Эйхмана,
Где сейчас выступаю я.
Вспоминаю с тоскою тяжкою
Беларуси родной края,
Могилев и поселок Пашково,
Где убита моя семья.
Эхо залпов расстрельных гулкое,
Сорок первый проклятый год,
Где травили их душегубкою,
Набивали землю рот.
Миновавший рубеж столетия,
Переживший войну старик,
Запоздалым стою свидетелем,
Их предсмертный услышав крик.

Униформа убийц мышиная,
Мор, который невычислим.
За стеною гудит машинами
Молодой Иерусалим,
Где пою я порой вечернею
У забывшейся той вежи,
К обвинительному заключению
Добавляя свои стихи.

К ЗАПРЕТУ В ПОЛЬШЕ УПОМИНАНИЯ О ХОЛОКОСТЕ

Набухли почки на весенних ветках.
Не удастся зло искоренить.
Возможно ли в грехах ушедших предков
Их правнуков и внуков обвинить?
Сомнения мучительные бросьте, —
Их не отмолишь, сколько ни молись.
Но немцы признавались в Холокосте, —
Поляки от Едвабне отреклись.
Им сроду бы не помнить тех трагедий,
Испытывая полуночный страх,
Но мебель убиенных их соседей
Пылится и сегодня в их домах.
Во рвах безвестных истлевают кости
Под бездною небесной синевы.
Но немцы признавались в Холокосте,
Поляки не покаялись, увы.
Как будто можно в бытии убогом,
Порвав с былым связующую нить,
Свои грехи перед людьми и Богом
Одним декретом взять и отменить.
Встает заря над черепицей кровель.
Года войны в забвение летят.
Отмылись немцы от еврейской крови, —
Поляки отмываться не хотят.

* * *

Мне в Бога бы давно поверить надо.
Как я удачу объясню свою,
Что пережил голодную блокаду,
На Ладогe не канул в полынью?
Он мне помог, у смерти отнимая,
Тотальный сократив ее улов,
Когда не дал нам в сорок первом, в мае,
К родителям поехать в Могилев.

В глухой тайге, на лагерной стоянке,
Где на пути нас ураган застал,
Ревнивый муж стрелял в меня по пьянке,
Но из пяти ни разу не попал.
Бог помогал мне выжить однозначно,
Когда, внезапно оборвав полет,
На лед мы сели не совсем удачно
И провалилась «Аннушка» под лед.
И в океане Бог, меня жалея,
Сумел продлить мой жизненный лимит,
Когда, упав, схватился я за леер
И с палубы волною не был смыт.
Отдавший долг научному познанию,
Уже перед вхождением во тьму,
Поверил я в его существованье.
Иначе непонятно, почему
Не сгинул на Тунгуске под порогом,
Под Пашково травую не пророс.
Чем дольше жизнь, отпущенная Богом,
Тем строже, вероятно, будет спрос.